

АРХИВ
УНГБ МОСКОВСКОЙ ОБЛ. № 013263

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УПРАВЛЕНИЕ МГБ ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ученков 1262г
@ Ведет в кн

ХРАНИТЬ 1982 г. АИО

ДЕЛО № 562

А. Релвдман

Треховое дело

Арх. № 5182

Слово в архиве П-31184

ком управления МГБ или его заместителями.

5182

3
00244

А. ФЕЛЬДМАН

РЯДОВОЕ ДЕЛО

Научно-информационный и просветительский центр
«МЕМОРИАЛ»
Москва, 1993

Автор приносит глубокую благодарность

ФРЕНСИСУ ГРИНУ

за помощь в издании этой книги

Фотоработы ЮРИЯ БРОДСКОГО

*Автор благодарит работников отделения реабилитации
Управления Министерства безопасности Российской Федерации
по Москве и Московской области
КИРИЛЛИНА Михаила Евгеньевича
и ЛЕВИЦКОГО Вадима Николаевича
за помощь в подборе и предоставлении документов*

© А.Фельдман, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не думал писать никакой книги, никогда не относился к себе, как к исторической личности. Если бы относился, то, наверно, собрал исторический архив, оставил бы для Музея Революции свой бушлат с номерами. Наше групповое дело — достаточно простое и отнюдь не героическое, без всякого сопротивления, без всякой организованной попытки переворота и даже — инакомыслия. Это типовое, надуманное дело, группа была создана фантазией моего однодельца, люди между собой не были связаны. В обвинительном заключении, в основном, был набор отдельных фраз, анекдотов, житейских ситуаций.

Поведение мое на следствии вовсе не было героическим, меня раздавили, как клопа, мгновенно, потому что дело уже было создано и все роли — расписаны. Сопротивляться мне было незачем, да и, собственно говоря, я всерьез и не считал, что какие-то дурацкие анекдоты послужат причиной такого большого срока — 25 лет, да еще взамен смертной казни, которая к этому времени была отменена.

Но нежелание большинства бывших заключенных писать воспоминания приводит к массовой спекуляции на эту тему, появляются книги с описаниями фантастических подробностей. Поэтому в своей книге я хотел рассказать о самом рядовом деле, по которому прошла группа студентов, подчеркнув, что по такому шаблону «пеклось» большинство «политических» дел.

СЛЕДСТВИЕ

Я хорошо помню период повальных арестов 1937 года. Мне было к этому времени девять лет. Жили мы в центре Москвы, в доме рядом с Театром Рабочей Молодежи, нынешний Театр Ленинского Комсомола. И у нас в доме жили люди, приехавшие в первые годы после революции, которые заняли различные партийные и хозяйственные должности. И в 1937 году, когда ребята выходили гулять во двор, сразу было видно, у кого ночью отца взяли. Парень выходил поникший, вялый, и было ясно, что ночью что-то произошло.

Отца, кстати, в 1937 году тоже арестовывали, он в этот момент приехал из Америки. Но, на его счастье, в НКВД началась смена Ежова на Берия, период временной либерализации, и его в это время, продержав месяц-два, выпустили. Естественно, что дома при мне никаких разговоров об этом не вели.

После войны я уже больше знал об арестах, так как многие знакомые мамы работали у нее. Она в это время была заведующей детскими садами Министерства Угольной промышленности и могла пристраивать к себе на работу уже подросших детей расстрелянных или сидевших в лагерях их родителей. Появлялись у нас и друзья отца, которые тоже сидели до войны и в 1947—48 годах кратковременно появлялись в Москве, не имея права проживать в ней, а потом опять исчезали. Разговоров в семье на тему арестов не было, а помощь друзьям старались не афишировать...

Хорошо помню ходивший тогда анекдот:

Приехавший в Москву провинциал спрашивает у москвича прохожего:

— Скажите, пожалуйста, где здесь ГОССТРАХ?

— ГОССТРАХ — не знаю, а ГОСУЖАС — на Лубянке...

Отец мой, Фельдман Ефим Кононович, родился в местечке Старые Дороги в Белоруссии, в семье сторожа. Семья была многочисленна. По достижении отрочества отца отправили учиться в Минск на гравера, там он и познакомился с представителями Бунда. В первую мировую войну он работал гравером в артиллерийских мастерских. Вступил сначала в Бунд, а в 1919 — в РКП(б). В гражданскую войну был на фронте командиром дивизии связи, позже демобилизовался, поступил в механический институт. Закончив его, стал работать на ЗИЛе.

Мамин отец был экспертом по зерну в немецкой фирме и одновременно раввином в Прилуках. Хотя в семье было 17 детей, работа эксперта давала ему возможность кормить и учить их всех. Мама, Дробркина Анна Давыдовна, закончила прогимназию, одно время училась в консерватории, а позже закончила II-й МГУ, дошкольный факультет, и была направлена на работу в детский сад ЦК. В комсомол ее, как дочь нэпмана, не приняли, и в партию она потом заявлений не подавала. Вообще, настроена она была более оппозиционно, чем отец, но никогда этого не афишировала.

В семье было двое детей, сестренка моя была младше меня на семь лет. Нас не крестили, и сосед наш в детстве всегда дразнил меня: «Необрезанный еврей все равно, что беспартийный большевик».

Отец зарабатывал по сравнению с мамой очень хорошо, кроме того дважды был в Америке, поэтому жили мы, в сравнении с другими, неплохо.

Отец — Ефим Кононович Фельдман

*Мать — Драбкина Анна Давыдовна
с маленьким Артемом*

Фотография Артема в 5 лет

Фотография Артема в 1948 году

Дело наше началось достаточно просто. Мой однодезец, Роман С. был арестован по доносу соседа, который очень хотел получить его комнату. Родители Романа были репрессированы в 1937 году. Отец, бывший заместитель Берии по Закавказскому окружному партии и работавший в 1937-м проректором института Красной профессуры, был сразу расстрелян, как только Берия появился в Москве, очевидно, отец слишком много знал. Мать, как член семьи врага народа, была отправлена в лагерь. Роман жил с бабушкой, а когда та померла, он, оставшись совсем без средств к существованию, пошел работать шофером. Роман был очень словоохотлив, поэтому по его показаниям нас арестовано было достаточно много.

Все мои однодельцы — совершенно случайные знакомые, связанные между собой только через Романа. Незадолго до моего ареста ко мне явился один из бывших соседей, который, как потом оказалось, являлся ко всем, кто был арестован по нашему делу. Очевидно, он был агентом ГБ. Ко мне он явился с предложением работы в Политехническом музее экскурсоводом. Это был ход ГБ, чтобы выяснить мои дальнейшие намерения — не собираюсь ли уехать из Москвы.

Об аресте Романа я узнал только осенью, когда вернулся с летних каникул, где мы с приятелем работали в Бурводстрое. Вернувшись, еще не зная своей дальнейшей судьбы, я на лестницах в институте при разговорах с разными людьми ловил на себе пристальные взгляды незнакомых студентов. Доносы на меня, похоже уже были, меня собрались исключать из института.

Осведомителей в институте, конечно, было достаточно, но я больше опасался людей шибко идейных, которые сообщали в органы по всяким идейным соображениям, что у такого-то студента — не те взгляды. А поскольку я был, не могу сказать инако-, но все-таки мыслящим, то на занятиях по основам марксизма-ленинизма по незнанию я попадал на троцкистские позиции, о чем меня как-то предупредил наш преподаватель, по-дружески отведя меня в сторону и посоветовав быть осторожнее на семинарах.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

УНГБ МОСКОВСКОЙ ОБЛ.

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УПРАВЛЕНИЕ МГБ ПО МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ученого 1262

УДАЛИТЬ ПОСЛЕДНО

ДЕЛО № 562

По обвинению Александра Васильевича
Труфанова
Александровича
Степановича
Дмитрия Николаевича
Степановича

10-11 г. II В 4

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
 Московского военного округа

ВО

НАДЗОРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

№ Н- _____

ВТ _____ г.

Поступило « _____ 195 г.

Извещено на « _____ 195 г.

Докладчик _____

Прокурор _____

тв. отв. _____

от № _____

Передача накопившихся в производстве дел, а также взятых из других и другие отделы или органы МГБ, не так бы и производился исключительно через отдел „А“ УНГБ МО.

Передача следственных дел оформляется постановлением, утвержденным в этом управлении МГБ или его заместителями.

Арх. № ~~5182~~

Служеб. в архиве П-31184

5182

0924

Обложка следственного дела №562, по которому был осужден А.Е.Фельдман

"УТВЕРЖДЕНО"

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ ОБЛ.
ОБЛЮБОВНИК / ГОЛОВКОВ /

" 31 сентября 1951 года

"АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ"

ПРОКУРОР города МОСКВЫ
С.С. СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ 2 класса
ВАСИЛЬЕВ /

" 31 сентября 1951 года

ПО С Т А Н О В Л Е Н И Е

/ на арест /

г. Москва, 1951 года, сентября месяца " 29 " дня

Я, начальник отделения Фрунзенского РО УМГБ гор. Москвы подполковник БРАНДУКОВ, рассмотрев поступившие в Райотдел МГБ материалы о преступной деятельности гр-на ФЕЛЬДМАНА Артема Ефимовича, 1928 года рождения, ур. г. Москвы, еврей, гр-на СССР, члена ВЛКСМ, бывшего студента 2 курса Московского Государственного Экономического института, временно без определенных занятий:

Н А Ш Е Л :

что ФЕЛЬДМАН А.Е. будучи враждебно настроен к существующему в СССР государственному строю, среди своего окружения систематически проводит антисоветскую агитацию, клеветает на советскую действительность, советский государственный строй, руководителей ВКП/б/ и советского правительства. Одновременно восхваляет буржуазные страны Запада и Америки, преклоняется перед "демократией" этих стран и высказывает еврейские националистические настроения.

Обвиняемый СЕД Ровальд Семенович, 1931 года рождения, на допросе 13/УП-51 года о ФЕЛЬДМАНЕ показал:

" ФЕЛЬДМАН А.Е. антисоветски настроен и в беседах со мною в период 1949-1951 г.г. допускал ряд злобных выпадов против советской власти и руководителей партии и советского правительства.

Будучи по своим убеждениям еврейским националистом, ФЕЛЬДМАН осуждал национальную политику, проводимую ВКП/б/ и советским правительством. Он, например, клеветнически утверждал, что в СССР существует государственный антисемитизм и поэтому все права, которыми пользовались евреи, у них отняли...

Свои антисоветские националистические взгляды ФЕЛЬДМАН выразил в поэме под названием: "Ша еврей", в которой он злобно клеветал на советскую действительность и проводимую в СССР национальную политику...

Министерство Государственной Безопасности
Союза ССР

УПРАВЛЕНИЕ МГБ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ОРДЕР № К-2

3. Октября 1957 г.

Выдан сотруднику отдела Управления МГБ
Московской области тов. _____

Производство: ареста-обиска

Бельман
Юлиана Ефимовича

Адресу Верхние Котимы, посёлок ЗИС,
д. № 25, кв. 21

ПРИМЕЧАНИЕ: Все должностные лица и граждане обязаны
вспомогать лицу, на имя которого выписан ордер, полное содей-
ствие успешного выполнения возложенных на него обязанностей.

Начальник Управления МГБ
Московской области

Начальник Отдела

г. санкционирован прокурором г. Зотин

№ 37211914 изъят
в парторган.
1951

УУ

Бланк № 1

ПРОТОКОЛ

Мы сотрудники Управления МГБ Московской области Рычков - Буцаев
Евдеевич

на основании ордера Управления МГБ Московской области № К-2
от 3 сентября 1951 года в присутствии Дворника

Савицкой Надежды Степановны
руководствуясь ст. ст. 175-185 УПК РСФСР произвел арест Рейдман
Артёма Сергеевича объём гр.

проживающ и находивш - в кв. № 21 дома № 75
по улице Верхние Котлы в Московском ЗИС
перекладу г. Москва

Согласно ордера арестован Рейдман
Артём Сергеевич 1928 г.
Промышленник г. Москва

- Изъято для доставления в Упр. МГБ МО следующее:
1. Паспорт XIX-XСУ № 576692 на имя Рейдман А.Е. Дня 537 мм. г. Москва. 1 шт
  2. Свидетельство о самоотводе от Воинской обязанности № 257024 на имя Рейдман Артёма Сергеевича. 1 шт
  3. Военнослужащий билет № 37211914 на имя Рейдман А.Е. Дня Москва
  4. РК ВЯКСУ в 1951 г. на учёте свидетели
  5. Москва
  6. Москва. 1 шт
  7. Суровый удостоверение на имя Рейдман. 2.
  8. Письма родственникам 3 шт
  9. Затасовые вещи 5 шт
  10. Затасовы с адресами и телеграммы 4 шт
  11. Фотодариточки родные 21 шт
  12. Француз № 1777 на имя Рейдман. 1 шт
  13. Разные чертёжки и чертежи на бланк
  14. Бланки и метрицы с родными
  15. Затасовы Рейдман А.Е. на обороте 26 шт

Протокол обыска от 4.10.1951

Момент ареста был впечатляющ. Жили мы очень тесно, все четверо — в одной комнате коммунальной квартиры. Я спал на раскладушке. Разбудили меня около четырех часов ночи. Хорошо помню расширенные от ужаса глаза своей младшей сестренки.

Первый вопрос их был: «Оружие есть?» Я ответил: «Нет». Они облазили всю квартиру, в том числе и антресоли. Квартира была коммунальная, и они в результате обыска притащили из кухни тесак соседа, которым тот колот сахар, и игрушечный с трещоткой автомат соседского мальчишки.

Все это с торжеством было водружено на стол и записано в качестве вещественных доказательств, правда, ко мне не относящихся, но это их не волновало.

А потом просто выгребли все из всех ящичков моего письменного стола: фотографии, письма, записки, которыми обычно мы перекидывались на лекциях и все записные книжки, которых с тех пор я не имею совсем.

Когда меня уводили, то отец сказал мне:

— Я верю органам и поэтому прощаться с тобой не буду!

Как же он потом, до самой своей смерти, переживал ужасно этот момент моего ухода и свои слова.

В машине сопровождающие вели со мной довольно веселые разговоры, предлагали мне съездить в последний раз к моей девице, смеясь, говорили:

— Вот сейчас он будет говорить нам, что ни в чем не виноват. У нас зря не арестуют.

1927 _____
 _____
 _____

Передавать анкету для заполнения арестованному —
 запрещается. Заполняется со слов арестованного и про-
 веряется по документам.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
Фамилия	Фельдман
Имя и отчество	Артём Ефимович
Год и место рождения	Родился в 1928 году, ^{село} <u>Москва</u> _{город} _____ область _____ край _____
Постоянное место житель- ства до ареста (подробный адрес)	<u>Москва, Воршиавское шоссе</u> город _____ <u>дом № 120 кв. 21.</u> область _____ край _____
Профессия и специальность	Слесарь-макбашник.
Последнее место работы или род занятий до ареста	а) Учреждение <u>Войска Работно-Армейского</u> предприятие <u>Судового Канала.</u> б) должность <u>Слесарь-макбашник.</u> в) звание _____ г) если не работает — когда и откуда уволен <u>25/11/51 со Вятро-</u> <u>цельева Волго-Донского судового Канала</u>

Пол	Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Место рождения	Место жительства, работы и должность
мать	Фельдман Эврия Константиновна	1898	г. Москва Ботанической обл.	г. Москва, Вятковская шоссе 9. 120 кв. 21. Работ. на 3-й ил. Спирт- но-кол. лаборатории.
отец	Фракия Анна Давыдовна	1901	г. Троицк Ботанической обл.	— — —
сестра (ум)	Колосов			
братья	Нет			
сестры	Нет Фельдман Светлана Варимовна	1935	г. Москва	— — —

Место для фотокарточки

Отпечаток указательного
пальца правой руки

(при отсутствии его последующего
пальца — с соответствующей помет-
кой). Пальцевый узор должен быть
ясным и полностью прокатанным
(от одной крошки ногтя до другой)

Личная подпись
(арестованного)

Фельдман

...Потом меня ввезли, с ходу — остригли наголо и взяли отпечатки пальцев, что по тюремной терминологии, как потом я узнал, называлось «игра на рояле». У меня это вызвало совершенное недоумение — в чем же меня собираются обвинять? Но в тот момент я сдал бы все: и отпечатки пальцев, и анализы мочи... все, что требовалось им.

После этого меня всунули в бокс, в котором можно было только стоять, и пробыл я там не меньше суток. Из бокса меня привели на первый допрос, а следователей было человек двадцать — такой перекрестный допрос, чтобы у человека голова закружилась, я даже не успевал глаза перевести на того, кто задавал вопрос. Вопросы были самые глупые, самые неожиданные — задача у них была одна — сбить с толку, полностью деморализовать арестованного.

Кроме первого допроса, в дальнейшем следствие протекало спокойно. Молодой следователь, пришедший в органы по комсомольскому призыву, был добродушен, любил шутки, рассказывал новости с воли, в общем, держал себя достаточно легко и, вроде бы, благосклонно по отношению ко мне. О моей статье, по которой я сначала обвинялся, он сказал, что она — достаточно в широких пределах — от шести месяцев до 10 лет.

Когда я понял, что меня обвиняют не больше, чем в рассказывании анекдотов, я почувствовал себя легче и понял несерьезность своего дела. А эта несерьезность обернулась потом 25-летним сроком лагерей.

Вообще, следователи, очевидно, хорошо просчитывали психологию арестованного и понимали, что, если они начнут на меня давить, то вызовут совершенно излишнее сопротивление. А так, в благодушной беседе, с шутками и анекдотами я раскроюсь гораздо быстрее. Начальник моего следователя, капитан, был с большим чувством юмора, часто приходил и сам рассказывал анекдоты. Ну, например, он был достаточно лыс и по этому поводу говорил:

— Лысина — признак развития человека. Чем меньше волос у человека на теле, тем он дальше ушел от своих животных предков.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Обвиняемого ФЕЛЬДМАНА Артема Владимовича

от 5 октября 1951 года.

ФЕЛЬДМАН А.В., 1928 года рождения, уроженец гор. Москвы, еврей, гр-н СССР, бывший член ВЛКСМ, до ареста - без определенных занятий.

Допрос начат в 10 час.15 мин.

- " - окончен в 23 час.45 мин.

- " - прерывался с 17-00 до 20-20.

Вопрос: На допросе 4 октября сего года вы не все показали о своей антисоветской деятельности.

Продолжайте ваши показания.

Ответ: Будучи враждебно настроенным к Советской власти, я допускал резкие выпады против органов МГБ. Я, например, утверждал, что органы МГБ являются всемогущей силой, творившей произвол и бесчинство в стране. Советские граждане, в силу этого, несут тяжелое бремя этого беспорядка.

Конституция СССР, по моему мнению, хотя и содержит ряд прав и демократических свобод, но они не гарантируются и в действительности превращены в декларативные заявления.

Мое поведение на допросах определялось двумя причинами: с одной стороны, я совершенно не представлял себе серьезности моего положения, с другой стороны, многомесячное существование в одиночке и ночные допросы изматывали. С какого-то момента собственная судьба стала совершенно безразлична. Требовалось следователю что-то записать, и я давал ему нужные показания достаточно послушно.

Но вместе с тем следователи были самыми обыкновенными людьми и часто развлекались на допросах, вряд ли они всерьез ощущали трагичность того положения, в которое они ставили людей, да и сами оказались. Например, в одну из бессонных ночей, когда следователю было нечего писать, а по плану должен проходить ночной допрос, он предложил мне рассказать анекдоты. И я ему всю ночь напролет рассказывал анекдоты, стараясь выбрать самые похабные и не рассказать лишний раз что-то политическое.

Очных ставок было много, но запомнились только две. Одна — со свидетелем, который дал показание, что я «клеветнически утверждал, что Карл Маркс был евреем». Я обратился к следователю с просьбой задать вопрос свидетелю. Следователь разрешил, и произошел следующий диалог:

— Я действительно говорил это, чтобы подчеркнуть, что Карл Маркс был евреем, или это была просто констатация факта его национальности?

— Нет, без всякого подчеркивания этого факта.

Тогда следователь у свидетеля спросил:

— А почему же вы это написали? Что клеветнически?

Свидетель повернулся к следователю и с упреком и неодумением сказал:

— Но Вы же так хотели!..

ра.3.

ПРОТОКОЛ ОЧНОЙ СТАВКИ

между обвиняемыми ГАРМАИ Виталием Ивановичем и
ФЕЛЬДМАНОМ Артемом Ефимовичем.

Город Москва, 1952 года, января, " 25 " дня.

Мы, Пом. Военного Прокурора Войск МГБ Московского округа полковник истиции КОРУНЧИКОВ, Пом. Прокурора города Москвы по спецделам советник истиции ЧУМАЛО, ст. следователь Следственного отдела УМГБ МО лейтенант АБРАМКИН и мл. следователь того же отдела ст. лейтенант ДУНОШИН, руководствуясь ст. 187 УПК РСФСР, сего числа провели очную ставку между обвиняемыми ГАРМАИ Виталием Ивановичем и ФЕЛЬДМАНОМ Артемом Ефимовичем.

Очная ставка начата в 10 час. 20 мин.
" " окончена в 15 час. 50 мин.

Вопрос ГАРМАИ : Доставленного на очную ставку вы знаете ?
Ответ : Знал. Это Артем ФЕЛЬДМАН, с которым в ноябре -

А вторая очная ставка — с Романом, когда в моем обвинении появилась статья террора. И хотя потом, в лагере, Роман каялся перед ребятами и объяснял, ничего не скрывая, как все получилось, мне до сих пор непонятно, почему он, когда следствие уже кончилось, причем срок был — только десять лет, при подписании документа об окончании следствия вдруг вспомнил, что допускал террористические высказывания, и я при этом присутствовал. После этого следствие началось по новому кругу, появился уже военный прокурор, и стал грозить срок — 25 лет.

На этой второй очной ставке Роман подтверждал свои слова о террористических намерениях, а мне говорил, что «делать нечего, виноваты, надо отвечать». Когда я утверждал, что не помню этого разговора, то следователь резонно мне на это говорил: «Да разве имеет ему смысл врать на себя?» Мне ничего не оставалось, как согласиться с ним, что, в общем-то, не имеет, хотя в конце очной ставки я настоял, что этого высказывания Романа я не помню.

Вспоминая свое состояние после многих месяцев сидения в одиночной камере, могу подтвердить, что появляется не только равнодушие и безразличие к своей собственной судьбе, но и чувство раскаяния. Я вспоминал своих родных, не совсем хорошее отношение к родителям и пытался найти свою вину, т.е. в чем я виноват сам, не по следствию, а по жизни, и сам себе подбирал обвинение, в чем-то каялся. И это настроение было вызвано не только одиночной камерой, а тем, что ты совсем один и беспомощен, за тобой — никого нет, кто тебя бы понимал и поддержал. В этом смысле, те ребята, которые шли по делам молодежных организаций, были в лучшем положении. У каждого из них за спиной были их товарищи, они чувствовали опору.

А когда человек один, против всего этого чудовищного аппарата насилия, и его судьба ему, действительно, становится безразличной, он, естественно, должен сам себе подобрать обвинение, потому что погибнуть совсем зазря ему просто обидно...

Именно в этот период безразличия к себе я дал много глупых показаний не столько против себя, сколько против других, совершенно посторонних людей, мало знакомых, причем, не придавая тогда особого значения своим словам.

И я благодарен Богу, благодарен своей судьбе, хотя мне до сих пор и непонятно, за что она так «благосклонна» оказалась ко мне, что по моим показаниям никто не был арестован. В этом мне просто повезло...

К о п и я .

Ведь беда в том, что люди страшно изогались. Они лгут / во всяком случае пытаются лгать / даже сами себе .

Это делают все в большей или меньшей степени .

Если видишь несправедливость, с ней надо бороться, а бороться почти невозможно. Отсюда - или самоуверждение, что все хорошо / у наших отцов / или потеря веры в будущее, в смысл жизни, в счастье и т.д. /у нас /.

Если говорить о познании, и ... познать можно и нужно... Нам дано много козырей в руки /например, противоречие того, что мы читаем с тем... видим и т.д./.. По познанию страшно, я боюсь, что познав больше, мы повесимся или ... нас повесят.

В отношении труда можно или жить, закопавшись червем в свой кусок работы ... либо познать и погибнуть, и второе по моему лучше.

" Лучше умереть стоя, чем жить на коленях" - Д.ИББАРУ-РИ.

А ведь жить приходится согнувшись в три погибели !

ВЕРНО: МЛ.СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОДЕЛА УМГБ МОСК.ОБЛ.
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

"21" ноября 1951 года.
ра.

Дункин / ДУНКИН/.

Записка, переданная приятелю на лекции. Изъята при обыске

Закурим-ка трубки, евреи !
Присядем за длинным столом.
Сегодня нас солнце не грест,
Согреемся, может, вином !

Закурим-ка трубки, евреи !
Солидный начнем разговор.
Ну, кто там о свете жалеет !
Еврей и в щели простор !

Закурим-ка трубки еврей
И русские песни споем,
Еврейские мы не умеем,
А русские ... ладно, замнем !

Закурим-ка трубки еврей
И в дым вековую печаль,
Мы здесь свои кости посеём,
Они не взойдут - это жаль !

ВЕРНО: ПОМ.НАЧ. ОТ-НИИ, СЛЕДОДЕЛА УМГБ МО
СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

/АНОСОВ /.

" " октября 1951 года.

Стихотворение «Закурим...», изъятное при обыске

Копия.

Очко ! Очко ! Игра блатная !
В тебя играют сотни лет
И без- не принимают,
Ни, ни ! Никак не принимают
В Московский Университет.

Здесь та же самая игра
И всех блатных , куда блатнее !
Тузы - папа директора,
Шестерки - бедные евреи.

Есть папа - туз .. Тасуй очко !
Нет папы, можешь тасовать,
Очка не будет все равно
И даже ... Лучше не играть.

ВЕРНО: Мл. Следователь Следственного отдела УМГБ
Моск.обл. ст. лейтенант

Дунюшин / ДУНЮШИН /

"21" ноября 1951 года.
ра.

Стихотворение «Очко...», изъятое при обыске

Мы евреи.

Мы евреи, сыны расы, насчитывающей десятки тысяч лет. Мы-сыны народа, который попирает ногами столько времени, сколько он существует.

В молитве оплакивающ. гибель храма иерусалимского говорится: отдана осквернителям наша страна, чужестранцы стали ее главой, мы-ступнями. Прошли тысячи лет с тех пор, как родной евреев стал мир, тысячи лет евреи были ступней мира. Народ-поставщик миру денег, пуговиц, подтяжек, фениев. Народ, вызывавший презрение и зависть, ненависть и уважение.

Народ, давший бога христианам и за это ненавидимый ими. Народ-вечно ждущий мессию, счастье, свободу. Народ-гордый в унижении, великий в презрении.

ВЕРНО: МЛ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОПТЕЛА УМГБ МОСК. ОБЛ.
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ

Дунюшин

/ДУНЮШИН /.

"22" ноября 1951 года.

Из записей, отобранных при обыске

На одном из последних допросов начальник Следственного отдела полковник Игнатов сказал:

— Вот вы, молодежь, глупые мальчишки, рассказывали друг другу всякие анекдоты, а вы представляли себе, на что вы идете?

Допрос был ночной, я был уже порядком измучен и издерган, поэтому на это я ему ответил:

— А вот вы сидите на своем месте — вы себе представляете, что на вашем месте еще ни один человек не умер своей смертью?

Тут я и получил от него 5 суток карцера...

* * *

Когда меня привели в зал суда, то состав суда меня очень поразил. В тот момент МВД было подчинено МГБ, поэтому заседание вел генерал-майор юстиции, а два заседателя были женщины в форме полковников милиции. Все время суда у меня постоянно было ощущение — вот сидят вроде бы солидные люди, две женщины, у которых, наверно, есть дети и, может, даже внуки, и ковыряются в этом дерьме, и главное, с удовольствием.

Как будто нормальный судебный процесс. Достаточно долгий и нудный. Много свидетелей и обвиняемых. Но это ощущение — какой-то брезгливости и недоумения в течение всего процесса — не проходило.

Очевидно для устрашения и поучительности, в момент чтения приговора все свидетели были запущены в зал суда, хотя заседания Военного трибунала должны быть закрытыми. И когда зачитали приговор — высшая мера наказания с заменой на 25 лет каторжных работ, зал, конечно, ахнул, а у меня температура поднялась до 40° С. Я был ошеломлен...

"УТВЕРЖДАЮ"

КАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ МОСКОВСКОЙ ОБЛ.
ПОЛКОВНИК

/ ГОЛОВКОВ /

1952 г.

*Обвинительное заключение
по делу № 562
Врач Виталий Владимирович
Севастьянов
Москва
6/11-52*

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

/ по следственному делу № 562 /

ПО ОБВИНЕНИЮ :

СЕВА Роельда Семеновича

в преступлениях, предусмотренных ст.ст.
17-58-1^а, 17-58-8 и 58-10 ч.1 УК РСФСР;

ФЕЛЬДМАНА Артема Евимовича и
АБЕЗЬЯНИНА Дмитрия Николаевича

в преступлениях, предусмотренных ст.ст.
17-58-8 и 58-10 ч.1 УК РСФСР;

ПРОТОПОПОВА Гая Клавдиевича и
ИСТОМЛЕНА Александра Герасимовича

в преступлениях, предусмотренных ст.
58-10 ч.1 УК РСФСР.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОВЕТА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

19-го августа 1958-го года Военный Трибунал войск

г. Москва

открытым

судебном заседании в

Московской области в закрытом судебном заседании в

18-19 августа 1958 г.

председательствующего полковника запаса Василия

Камынина, капитана запаса и г. лейтенанта

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

г. лейтенанта запаса В. В. В.

ЛАГЕРЬ

После суда меня из одиночки привели в общую камеру на несколько дней. Здесь я познакомился с заключенным, привезенным из Кенгира на переследствие, и от него узнал много полезного о лагере, так что в Кенгир я попал более-менее подготовленным.

В камере сидел один начальник цеха трикотажной фабрики, который вначале шел по групповому обычному уголовному делу: достали левую шерсть, сделали левую продукцию, по своим каналам продали, а потом собрались, чтобы поделить заработанное. Кто-то остался недоволен дележкой доходов и «стукнул» в ОБХСС. Всех взяли, но в период борьбы с космополитизмом сажать всю группу по уголовному делу было неинтересно, поэтому им объяснили, что «в момент дележки доходов вы, на основании старинных еврейских законов, создали третейский суд и тем самым игнорировали советские арбитражные организации». Дали им экономическую контрреволюцию, статья 58-7 — 25-летний срок...

На вокзал меня отвезли в машине, на которой было написано «Живая рыба», посадили отдельно от уголовников. Ехали со мной еще эстонцы, тоже с 25-летними сроками, терять нам всем было нечего, поэтому уголовники нас не трогали.

Сначала привезли в Свердловскую пересылку. Камера — на пятьсот человек с 40-ведерной «парашей». После многомесячной одиночки она произвела на меня совершенно потрясающее впечатление... Потом пересылка в Петропавловске, где поразила сортировка заключенных: политические — сюда, уголовники — туда, а чечены — отдельно...

Здесь была интересная встреча. Заключенный-тувинец, типичный Дерсу Узала: одежда и обувь из сыромятной кожи, трубка из березового корня. Старый, плохо слышит, один глаз полностью закрыт бельмом, второй — уже тронут. По-русски не

понимает ничего, знает только два слова — двадцать пять, и на все вопросы охраны отвечает — двадцать пять: и статья, и срок, и сколько лет, и куда едешь. И только в лагере выяснилось, что у деда была статья 58—б, т.е. шпионаж. А как он физически мог шпионить, не видя, не слыша и не понимая по-русски, — до сих пор для меня загадка...

Когда меня привезли в лагерь, я сначала не понял ничего. Вокруг — узкоглазые лица, конвой — в необычной форме со среднеазиатской панамой. Я решил, что меня привезли в Китай... А когда подвезли ближе, и после пыльной дороги я увидел закопченные трубы, я решил — ну все, крематорий. Оказалось потом, что это была баня и пекарня. Огромный шестиметровый забор, по верху забора — два ряда колючей проволоки, маленькие бараки-полуземлянки, огороженные отдельным забором, с запорами и на дверях барakov и на заборах...

Первое мое изумление — сортировка заключенных, прибывших с этапа. Встречающий начальник, подполковник спрашивает: — «Среди вас есть юные марксисты-ленинцы? Пусть выйдут. Мы их в барак особого режима».

Меня поразила эта откровенность вопроса — и такие есть?..

В первый же день в лагере я встретил друга отца, который взял меня в свою бригаду. Один из прибывших со мной заключенных, который был этапирован из северных лагерей, увидев, что я знаком с бригадиром, подошел ко мне и сказал странную фразу:

— Вы — человек интеллигентный, я вижу, вы пользуетесь влиянием среди интеллигентов. Скажите им, что я — не стукач. А среди пролетариев я докажу это сам.

Он спал на нижних нарах, я — на верхних, и ночью его убили, кирпичем в мешке. Утром пришел следователь, расспрашивал всех, я ему рассказал о нашем разговоре... Много позже был суд, и я впервые увидел этих ребят из бандеровской организации, которая, действительно, творила внутрилагерный суд, убивая стукачей...

Я сразу попал в строительную бригаду. Кладка в жуткие морозы при ветре — достаточно тяжела, но мы приспособивались. И на общих работах — почти весь срок.

Понимая, что начальству надо выдать работу на 102%, остальное отдавали вольным, которые с нами работали, по договоренности с вольными прорабами. Думаю, что вынужтого грунта хватило бы, чтобы всю обогатительную фабрику закопать. Вообще, что касается земляных работ и в лагерях и на воле, мне до сих пор непонятно, как земного шара хватало для выполнения всех этих работ...

Моя спецодежда была забавна. Бушлат 33-го срока, весь — в заплатках, но внутри он был в заплатках от женского трико: правая сторона — кусками лилового цвета, а левая — голубого. И за этот бушлат, как за обмундирование, вычитали 20% зарплаты. И еще за конвой — 20%.

Проблемы, возникающие в лагере на первых шагах и очень характерные для лагерного быта. Представьте себе — вас, стойко и долговременно голодного, заводят в большую, пятисотместную столовую, дают в руки очень горячую миску с похлебкой из неочищенного редко плавающего в ней овса и не дают никакой возможности зачерпнуть ее в рот. Для начала находишь где-нибудь щепочку. С этой щепочкой ты будешь жить довольно долго, весь период, пока ты находишься в карантинном бараке, до выхода на объект. На объекте же есть довольно неожиданный способ изготовления ложек. Ложки эти имеют форму деревянных, но отливаются из алюминиевой проволоки. Искали куски проволоки, в ближайшей кузнице отливали ложку, а потом носили ее в надежном месте — в ботинке, за портянкой...

Питание в лагере было жуткое, гораздо хуже, чем в московской тюрьме, все время ходили голодными. Но здесь ты убеждаешься, что таких, как ты, много, идет обмен, твоя компания тебе помогает, отношение друг к другу хорошее...

Еще одно воспоминание о щепочке. Надо побриться, а никаких колющих и режущих предметов нам не дают. Существует только парикмахерская, которая стрижет машинкой, и то — стрижет не сразу. Поэтому были изобретены несколько способов бритья, достаточно неожиданных. Первый способ: обычная дере-

вянная щепочка, которая раскалывалась и в щель вставлялись обломки лезвия, многократно использованные, потом все это связывалось. При бритье таким способом капает со всех возможных у мужчины мест.

Второй способ бритья тоже связан с щепочкой. Негашеной известью, карбидом смазывается смоченная в луже борода и потом быстро снимается щепочкой. Возможны и ожоги, но зато ты побригит...

Те, кто во время войны служили в гестапо, как и те, кто до лагеря работали в НКВД, — в лагере занимались своей специальностью и все занимали ключевые посты. И их, и стукачей часто убивали, особенно последних.

После дела врачей лагерное начальство решило, что все евреи — террористы, поэтому в последующих убийствах стали обвинять еврейскую молодежь. Когда убили прибывшего с этапом еврея Лившица, которого никто не успел даже увидеть, в убийстве его обвинили Феликса Бергера и Фильку Фридмана, а заодно с ними арестовали и меня. Привели в тюрьму, спорили пуговицы, сняли шнурки, но пришел какой-то старший лейтенант и сказал: «А этот — лишний!» И меня вернули обратно.

А позже я узнал, что ребята признались в убийстве, хотя и не видели убитого никогда. А после смерти Сталина их стали убеждать, что убили не они. И в конце концов прокуратуре удалось им доказать, что они не убивали...

Однажды Юрка Киршон поймал одного осведомителя и мы с ним договорились: «Ты давай показания, но не ври, — убеждал его Юрка. — А сначала — посоветуйся с нами»...

Язык у меня всегда был несдержан. Дело было ранней весной. Степь была раскисшая. Порядок конвоирования колонны в 200 человек был определенный: шеренги по пять человек, впереди и сзади по два конвоира и сбоку по два с собаками. Мы с трудом идем. Конвой орет: «Держитесь под руки!» Дорога неровная, грязища, как тут удержишь! Собаки: гав-гав-гав. Конвой орет: «Держитесь под руки!»

Я шел в третьей шеренге сзади и тихо сказал: «Вы хоть по одному говорите!» А эта сволочь — понял. Он остановил колонну, усадил нас в грязь, из ребят, правда, никто не продал меня. Но мы сидели так часа два в грязи...

В лагере были представлены почти все национальности: украинцы, белорусы, прибалты, много китайцев, японцев, немцы, страны народной демократии были представлены очень обильно. Был даже один негр — капитан танковых войск американской армии, случайно заехавший на своем танке не в свою зону в Германии, и его потом искали 7 лет. Было много священников, но особенно много — сектантов разного толка.

Лагерь вырабатывал свой собственный, необычный язык. Западные украинцы, которых было после войны много в лагере, пользуясь тем, что их понимали, не хотели говорить по-русски, а только по-украински. Иностранцы и жители Средней Азии, совсем не знавшие русского языка, постепенно обучались их языку, считая его русским. В общем, большинство заключенных лагеря говорило на дикой смеси из слов разных языков, которую они принимали за русский.

Вот некоторые зарисовки интересных типов заключенных.

В одном из бараков жила очень интересная пара — раввин из бухарских евреев в замечательном наряде — в выданной ему буденовке тридцать третьего срока с шишаком и ушами, со следами споротой красной звезды — так вот, длиннородый раввин и его партнер в шахматной игре — любимом и единственном интеллектуальном развлечении лагерных инвалидов — полковник геббельсовской службы пропаганды. Оба не знали или почти не знали русского языка, один говорил на иврите и узбекском, второй, естественно, на немецком. В субботу, поскольку раввин был правоверным, они в шахматы не играли. Но в остальное время играли самозабвенно...

Жаркое кенгирское лето. По узкому, пыльному проулку идет весьма колоритная пара друзей. Один — профессор Адамс, в свое время окончивший Сорбонну, эстонец по национальности, друг Игоря Северянина. Он одет весьма своеобразно из-за кенгирской жары и нахождения в лагере — на нем трусы с большим карманом и некое кавказское сомбреро — войлочная шляпа с бахромой. Второй — Сан Саныч Ляде, из семьи обрусевших французов, бывший денкинский офицер, весьма своеобразным способом попавший в лагерь вторично. Он находился в западной зоне Германии, где какой-то человек пришел к нему домой и предложил написать роман из жизни русской эмиграции по его

воспоминаниям. Ляде, будучи человеком с фантазией, напел ему изрядно. Через несколько дней ему — уже в советской зоне Германии — предъявили эти наброски романа в качестве обвинения. Одет Сан Саныч тоже очень элегантно — трусы (правда, обычные, с резинкой) и на голове лагерная байковая ушанка, сложенная пирожком.

Профессор, у которого был постоянный сдвиг на тему кофе, в очередной раз говорит: «Сан Саныч, как хотелось бы кофе!» Сан Саныч отвечает: «Кофе? За чем же дело!?» В это время они проходят мимо лагерного ларька, окошко которого напоминает кормушку в камере. Сан Саныч стучит небрежно одним средним пальцем по окну: «Приказчик! Кофе!»

Открывается дверка, и оттуда высовывается носатое личико Гришки Грека. Гриша был греком по национальности и греческим подданным, но сидел за измену Родине. Непонятно, правда, какой... Гриша ответил гурманам достойно...

Саша Якулов, скрипач, в лагере играл на скрипке и на аккордеоне. Когда я его увидел впервые, он играл на аккордеоне, а Юрка Киришон, знавший его еще по Москве, спросил: «Саш, ты чего делаешь?» А тот ответил: «Играю подонкам на гармошке»...

Саша Якулов был дневальным в инвалидном бараке — на объекты его выпустить было невозможно: он отмораживал себе руки, а из-за рук и еще одно место, так как замерзшими руками не мог застегнуть себе пуговицы на ватных штанах. Его работа дневального давала нам возможность встречаться в его тесной каморке. В каморке он никогда не убирал окурки с пола, он их только ориентировал, не помню, то ли с востока на запад, то ли наоборот. Как-то зашел к нему в каморку надзиратель, увидел это — и Сашу повели в карцер. Я его встретил по дороге и спросил: «Саш, за что тебя?» Саша — с возмущением: «Якобы за грязь!» Вот это «якобы» звучало очень интересно...

Пока Саша был в карцере, мы решили в его каморке сделать ремонт. Достали темную охру и стали на столе мешать ее с мелом, чтобы колер создать. И в этот момент в каморку вошел профессор Адамс, увидел горстку охры на столе и со словами «Какой чудесный кофе!» — отправил ее себе в рот... Как же он потом плевался, какие потеки охры шли из его рта...

Пианист у Саши был немец Клаус, хороший пианист, но из бывших руководителей Гитлерюгенда. Поэтому он принципиально не играл Мендельсона, поскольку тот был евреем. При этом с Сашей они уживались нормально, хотя Саша — полуеврей, полуармянин, страшно увлекавшийся цыганской музыкой. Позже Клаус воспитался и стал играть уже всех композиторов...

В день смерти Сталина Саша попал в карцер за свои слова: — Смерть смертью, но музыку хорошую передают по радио, «Реквием».

Ваня Китаец — крупный политический преступник. Он был денщиком у какого-то гоминдановского генерала. Когда его спрашивали: «Ваня, а чем ты до армии занимался?», он отвечал: «Бутылки-семечки-орехи — менял». Он был страшным курильщиком и за махорку был готов на любой подвиг. Зная об этой его слабости охранник-«попка» на вышке кинул в предзонник несколько пачек махорки и сказал: «Вань, подбери!» Ваня сунулся подбирать и как только он наклонился за махоркой, тот прострелил ему задницу...

Когда Ване Китайцу говорили: «Вань, теперь Китай — наш союзник», тот отвечал: «Хер твоя союзка!» Однажды к нему подошел начальник лагпункта и сказал ему: «Ну, теперь Китай — наш союзник», на что получил ответ Вани: «Хер твоя союзка!» За это Китаец получил 10 суток карцера...

Дядя Вася — бывший «вор в законе», где-то в лагере убил надзирателя, получил 25 лет за террор и попал в политический лагерь. В Кенгире его за «вора в законе» никто не признавал, у нас просто не было такой категории, и ему надо было к кому-то пристать. Он сделал вид, что покаялся, а наши сектанты очень любят раскаявшихся грешников, и через две недели после покаяния он у них... посылки распределял.

Во время Кенгирского восстания он провозгласил вознесение на небо: собрал своих сектантов, кликуш из женской зоны и пытался вознестись. Но поскольку пошел дождь, то ввиду нелетной погоды, он вознесение отменил...

Сантехник зоны, по кличке Семен-катализатор, очень смазливый, любитель женщин, постоянно вызывался в женскую зону, где женщины портили то кран в столовой, то слив.

И вот у Сеньки в жензоне родился сын. А у нас в бараке был Декслер, сионист еще с дореволюционным стажем. К нему обратились: «Поскольку ты у нас хоть чина раввина не имеешь, но самый верующий, то давай мы тебя через забор перекинем, чтобы сделать обрезание»...

О наших «воспитателях».

Однажды начальник медсанчасти Хайкин рассказал мне, что в лагере открыли курсы по изучению истории партии для надзорсостава. Учеников было около 20 человек, девять из них оказались неспособны изучать историю партии «из-за умственной отсталости». Вот такие наши «воспитатели»...

Еще пример. В карцере надзиратель-казах производит проверку наличного состава заключенных. Он открывает кормушку, подзывает меня и говорит мне: «Слушай, вон в том углу сидит, как фамилия?» Я ему говорю, а он протягивает мне список и просит: «Точку поставь, пожалуйста». Короче, я за него производил проверку, поскольку он был неграмотен...

В связи с расширяющейся кампанией борьбы с космополитами в лагерь из западных областей было переведено много начальников-евреев, колоритных личностей. Главный бухгалтер Фалкин носил фуражку со звездой всегда над левым ухом, причем форма на нем сидела гораздо хуже, чем на корове седло. А поскольку по поселку Кенгир он ездил на пролетке, то его так и звали — «Фалкин на катафалке»...

Начальником ППЧ был капитан Хорошкин, однажды при мне он имел оригинальную беседу с одним сектантом-молдаванином:

— Ты будешь работать?

— Нет.

— Ну, что ты совсем не можешь работать?

— Нет.

— Ну, что ль лопату в руках держать не можешь?

— Нет.

— А кисть в руках можешь держать?

— На три пальца.

— Как это?

Сектант спокойно показывает ему фигу...

Во время дела врачей в ППЧ зашел наш Киршон и громко сказал: «Все должны отсюда выйти, а капитан Хорошкин останьтесь, у меня к вам поручение от Джойнта, я должен Вам передать». Видели бы вы лицо капитана! И слава Богу, что никто не стукнул на Киршона...

Вот типичный унтер Пришибеев — старшина Медников, абсолютно уверенный в правильности своего поведения. Очень необразованный, но не лишенный некоторой сообразительности. Говорят, что при подавлении Кенгирского восстания, он охотно участвовал в расстрелах. Так вот, связанные с ним воспоминания. Когда после смерти Сталина была объявлена амнистия заключенным с пятилетним сроком, то на весь Кенгир (только в одном лагунке было 9 тыс. человек) освободили четверых. На следующий день надзиратель Медников, который всегда любил собирать заключенных и делиться с ними впечатлениями, рассказывал нам: «Захожу я в пивную, гляжу, стоят ребята и на меня косятся. Вспомнить не могу, где ж я их видел. Потом вспомнил, в лагере видел. Ну, думаю, надо смываться, зачем ребятам новый срок наматывать?»...

В день смерти Сталина Медников был старшим надзирателем закрытой тюрьмы. А в тюрьме, если кого-то начинали избивать в коридоре, все заключенные в камерах брали палки от параша и начинали бить в двери. Поднимался невообразимый шум, избиения, как правило, прекращали. И вот такой же случай, в коридор выходит Медников и говорит: «Архары, тише! В стране — переворот, а вы тут бунт устраивать». Мгновенно воцарилась тишина...

Последний рассказ о нем, как он выиграл пять тысяч старыми деньгами. Его рассказ об этом:

— «Вот... выиграл пять тысяч, думал, мотоцикл куплю... Выпили с приятелем, туда-сюда, смотрю на велосипед тоже не хватает... Решил я книжки детям купить, всю литературу купил, 132 рубля потратил... А дети эти книжки порвали... Ну, думаю... ладно, не хотите культуру хавать... сосите х..!»

Один заключенный, старый еврей, сошел с ума. Он, хромая, посреди лагпункта поймал начальника режима, и тряся его, стал орать на весь лагпункт: «Когда же это кончится?!» На что начальник режима ответил ему: «Я это сам не знаю»...

О том, что Сталин болеет, мы знали. И вдруг утром — нас не выводят на развод. И уже девять часов, а мы — лежим, все молчат, какая-то напряженная тишина. Со мной рядом лежал очень осторожный и законопослушный Мотя Талалаевский, он мне осторожным шепотом говорит: «Неужели умер?» И вдруг откуда-то сверху, с нар голос на весь барак: «Подох, ети его мать!!»

После смерти Сталина сразу же умер приехавший на похороны Сталина Клемент Готвальд, и мы в бараке, перебрасываясь строчками, сочинили такой стих:

*Траур из алых и черных лент.
Умер и Сталин, и Готвальд Клемент.
Дрогнули лица стальные.
Когда перемрут остальные?!*

Первые стихи, которые я услышал в лагере, были стихи Юры Айхенвальда. Вот эти строки не вошли ни в один из его сборников:

*Пусть нам петли или пули
Перервут на шее жилы.
Все ж спины мы не согнули
На краю своей могилы.*

*Перебрякивают шпоры,
Перетряхивают ленты,
И усатые майоры
Проверяют документы.*

*Смерть наложит тихо лапу,
Нам заглядывая в лица.
«Экселенце, Вашу шляпу,
Вот Вам виза за границу».*

ВОЛЯ

30 "УТВЕРЖДАЮ"
ВОЕННОГО ПРОКУРОРА МВО
ПОЛКОВНИК ИСТИЦИ

МАРТЫНОВ.

"10" июля 1956 года.

Александров

И. В. Семенов
Зам. Глав. Прокурора
Подполковник
В. В. Сталин

19/11/56
С6685

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ МОСКОВСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

/в порядке ст.378 УПК РСФСР/

По делу СЕФ Роальда Семеновича, ФЕЛЬД-
МАНА Артема Ефимовича, АБЕЗЬЯНИНА Дми-
рия Николаевича и ИСТОМИНА Александра
Герасимовича.

19 февраля 1952 года военный трибунал войск МГБ Москов-
ской области осудил:

С Е Ф Роальда Семеновича, 1931 года рождения, еврей,
чл. ВЛКСМ, образование 10 классов, ранее не судимого
по ст.ст.17-58-1 "а", 17-58-8, 58-10 ч.1 УК РСФСР к
25 годам лишения свободы.

ФЕЛЬДМАНА Артема Ефимовича, 1928 года рождения, бес-
партийного, с незаконченным высшим образованием, ранее
не судимого, по ст.17-58-8 и 58-10 ч.1 УК
РСФСР к 25 годам лишения свободы.

АБЕЗЬЯНИНА Дмитрия Николаевича, 1908 года рождения,
русского, беспартийного, образование среднее, ранее
не судимого, по ст.17-58-8 и 58-10 ч.1 УК РСФСР к
25 годам лишения свободы.

ПРОТОПОПОВА Гая Клавдиевича, 1929 года рождения, рус-
ского, чл. ВЛКСМ, образование незаконченное высшее,

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

СПРАВКА

Дело по обвинению ФЕЛЬДМАН Артема
Ефимовича пересмотрено Военной Коллегией
Верховного Суда СССР 10 ноября 1956 года.

17. ноября 1956 г.

№ Ин-014298/55

Москва, ул. Воровского, д. 13.

Приговор военного трибунала войск
МГБ Московской области от 18-19 февраля 1952
года, определение всенного трибунала войск
МГБ Московского округа от 7 марта 1952 года
и определение военного трибунала Московского
военного округа от 5 ноября 1954 года в от-
ношении ФЕЛЬДМАН А.Е. по вновь открывшимся
обстоятельствам отменены и дело прекращено
за отсутствием состава преступления.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

нф

Зайдин ЗАЙДИН/

Фотография А.Е.Фельдмана при освобождении в июле 1956 г.

Весной или в начале лета 1956 года (к тому времени я уже ходил без конвоя) мне удалось попасть на собрание интеллигенции в Дзержинске, на котором зачитывали доклад Хрущева. Примерно в то же время в лагере начала работу по пересмотру дел комиссия из Москвы. Освобождали почти всех, более 90%. Мне пришлось довольно долго ждать: дела, к сожалению, рассматривали в алфавитном порядке. Наконец, 17 июля я был освобожден со снятием судимости. К этому моменту Главной Военной Прокуратурой по заявлению моих однодельцев уже был внесен протест по нашему делу, и в ноябре я получил справку о реабилитации.

В конце июля я уже был в Москве. Прописка заняла 2-3 месяца. Восстановившись в институте, я тут же оформил перевод во Всесоюзный заочный инженерно-строительный институт и пошел работать конструктором в тресте горнопроходческих работ. С тех пор и до выхода на пенсию я работал в производственных, проектных и конструкторских организациях Главмосстроя.

Поскольку в партию я не вступал и за границу не ездил, то мое прошлое отдел кадров особо не беспокоило.

Я ушел на пенсию в 1988 году, после инфаркта. Тут началась моя общественная работа. Это был неожиданный род деятельности, но поскольку я последние годы был небольшим руководителем — главным конструктором завода железобетонных изделий ДСК-1, то некоторым опытом в области человеческих взаимоотношений я обладал. Мне помогала моя контактность, контактность даже с теми, кто не только не разделяет моих убеждений, но и настроен резко враждебно.

Естественно, моя деятельность была связана с положением бывших заключенных — в 1988 году они за каторжный труд не имели ничего.

Семейная фотография 1960 г.

Снимок 1971 года

После первых указов Горбачева 1989 года, указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года, оставшегося чисто декларативным, но развязавшего в каком-то отношении руки местным властям в регионах СССР, давшего возможность для местной инициативы по защите интересов реабилитированных, в декабре 1989 г. в Москве была создана первая комиссия по этим проблемам. Речь шла о предоставлении некоторых льгот бывшим политзаключенным. Осложнялось исполнение решений тем, что как и хрущевские решения, горбачевские указы не затрагивали вопроса о политической реабилитации. Трудно было говорить о вопросах социальной защиты, о юридических вопросах, когда репрессированные не приравнивались к другим льготным категориям. Все усилия Ассоциации жертв незаконных репрессий были направлены, скажем, на то, чтобы приравнять репрессированных к инвалидам Отечественной войны. В этой постановке вопроса было много провокационного. Здесь моментально возникали трения с любыми официальными инстанциями и многими общественными организациями. Поскольку тут же вставали ветераны войны и говорили, что они проливали кровь, а эти — враги народа... И дальнейшие действия парализовались.

Организация, типа нумеровской ассоциации, из которой потом произрос еще ряд организаций, резко отделяла себя от не реабилитированных. Только жертвы сталинских репрессий, никаких диссидентов, никаких других «неофициальных» политических заключенных. Указ Горбачева и давал им как раз такую возможность, поскольку ограничивался тридцатыми-пятидесятыми годами, не затрагивая ни 20-е, ни 70-е.

Нумеровская организация продемонстрировала свою лояльность, подоила и партию, и Совет министров, получила деньги и дачи. Строилась она по образцу официозных общественных организаций типа объединений ветеранов или инвалидов с централизованной структурой. При этом вопрос ставился так, что только членство в этой организации давало возможность социальной защиты, льгот и привилегий. Делалось это для того, чтобы заманить максимальное число репрессированных в общественную организацию, придав этому добровольно-принудительный, как водится, характер. И первый конфликт, который у меня возник с Ассоциацией — это конфликт с членскими билетами, в которых было записано, что предоставляемые государством льготы распространяются как бы только на членов Ассоциации.

Решала этот вопрос комиссия при Мосгорисполкоме, занимавшаяся вопросами репрессированных. Эта комиссия начала работать в декабре 1989 года. Председателями комиссии были попеременно разные замы Сайкина. Мы долго воевали за государственные удостоверения единого образца. От нашего «Объединения лиц, пострадавших от необоснованных репрессий» в комиссию входили В.А.Янин и Е.А.Израилович, от «Мемориала» там был Н.И.Старков, от общества «Милосердие» К.Р.Мусаэлян. От Ассоциации входил И.С.Ермолинский.

Одновременно была создана вторая комиссия — по установлению мест захоронений жертв репрессий и увековечению их памяти. Возглавлял ее от Мосгорисполкома А.С.Матросов, заместителем его был А.А.Мильчаков.

Поскольку в комиссии по проблемам реабилитированных был всегда численный перевес представителей демократических организаций, это позволяло несколько нейтрализовать нумеровскую постановку вопроса.

Исполнителем решений комиссии в исполкоме был бывший генерал то ли КГБ, то ли МВД Алейников, который и написал текст этого первого решения о льготах, изданного московскими властями в декабре 1989 года. Речь шла о бесплатном проезде в городском транспорте, прикреплении к магазинам «Ветеран», еженедельных продовольственных заказах и т.п. Там еще было записано право на внеочередную диспансеризацию «наравне с инвалидами Отечественной войны». Спекуляций вокруг этой фразы было много. Нумеров так и написал в «Аргументах и фактах» и в пресловутых удостоверениях, что репрессированных уже приравнивали к инвалидам войны.

Второй этап деятельности комиссии начался после выборов нового состава Моссовета. Комиссия из ведения исполкома перешла в ведение Моссовета. Идея комиссии при Моссовете возникла в марте, а официальное оформление ее завершилось в октябре 1990 года. Штатное же расписание мы получили только в июне 1991 года.

Мы сразу воспользовались тем обстоятельством, что Президиум Моссовета, возглавляемый Г.Х.Поповым, имел права исполнительной власти. Решение исполкома Моссовета о льготах имело уже исполнительную силу. Правительство Москвы должно было действовать уже автоматически. Тут появились более весомые льготы для репрессированных — например, бесплатные лекарства

(которых до сих пор не дала репрессированным Россия). Конечно, с ухудшением экономического положения в стране льготы приобретали чисто условный характер. Какие теперь торговые льготы? Какие заказы? Сохранилась только актуальность права на бесплатные лекарства, в особенности, когда цены на них так выросли...

На всех репрессированных прежних времен, мне кажется, «Мемориал» в конце 80-х годов смотрел неправильно. Это был взгляд диссидентов, последующего поколения, обобщенно на всю предыдущую историю. Сталинские «зеки» становились чуть ли не предшественниками диссидентов. На самом деле репрессированные никогда не были едины. В лагерях сидели — от монархистов до анархистов. Сидели по разным причинам. Резко отличаются друг от друга довоенное «поколение» репрессированных и послевоенное.

В Москве, как это ни странно, преобладающим является довоенное поколение репрессированных — 1937 года. Это год, когда партия стала самодской, стала жрать саму себя. Почти каждый, кто сидел тогда в лагерях, считал себя настоящим коммунистом, а тех, кто управлял страной — не совсем настоящими. Или — объяснял случившееся ошибкой в отношении него лично. Это московское большинство репрессированных. Таких как я, Булгаков, Шаповал, Печуро, — послевоенных — в Москве мало.

Репрессированные — люди разные. Идеологию, убеждения свои меняют они с большим трудом. Относится это и к, так сказать, старшему поколению детей репрессированных: Эта категория во всех организациях репрессированных ныне представляет большинство. И во главе этих организаций и в их правлениях, — преимущественно «дети». В Москве, на две с половиной тысячи репрессированных, в том числе и диссидентов, более 10 тысяч «детей». «Зеки» умирают, остаются их дети. Среди них есть люди, очень сильно пострадавшие и мучавшиеся всю жизнь, прошедшие детские дома... Но есть среди них и те, кто получил формальное право на льготы, а пострадал сравнительно мало. В некоторых случаях и вообще не пострадали. Приходили ко мне в комиссию люди, родившиеся после того, как отец попал в лагерь. Они ничего и не знали, мать вторично вышла замуж, подробности биографии скрывались...

Реализация прав детей репрессированных обостряет вопрос, вставший в связи с принятием Закона о реабилитации жертв

политических репрессий. Вопрос о компенсации тем, кто был реабилитирован или реабилитируется законом. Многие люди, претендующие на статус жертв политических репрессий, но фактически такими не являющиеся, начали борьбу за льготы. Например, Воля Лебединский, подделавший справку о реабилитации. Такой же пример — Жужменко с Украины, тоже борьба за статус реабилитированного, такой же — Двойрэс-Сутормин, работавший в аппарате президента, в Москве, когда-то сидевший, но по чисто уголовным обвинениям. Вообще, любые новые льготы при нашем уровне нравственности порождают немедленно борьбу вокруг них. Это естественно, хотя и стыдно.

Последнее, чего нам удалось добиться — московские льготы детям репрессированных, а затем и российские льготы им же. По Москве, практически, члены семей репрессированных по льготам теперь приравнены к самим репрессированным.

Репрессированные по политическим мотивам, как я уже говорил, изначально не были едины. Плюс к этому такая историческая личность, как Николай Владимирович Нумеров, создатель централизованно-аппаратной организации репрессированных. До сих пор Московская ассоциация жертв репрессий, несмотря на то, что давно исключила Нумерова из своих рядов, работает по заданным им параметрам. Это типично аппаратная структура, 22 человека штата, не знаю, может теперь больше. Раньше это были деньги партии, а теперь они находят спонсоров разными путями.

За голоса репрессированных всегда боролись. Была такая фигура — Константин Завидия, предприниматель, который решил раздать 10 миллионов рублей репрессированным. При этом была разработана такая типовая расписка в получении денег (он по 10 тысяч раздавал), внизу которой был текст вроде «Обязуюсь поддерживать все ваши политические начинания». Прямой подкуп.

Я все больше убеждаюсь в том, что общественные организации репрессированных создаются по неверным принципам. Они создаются для выколачивания льгот, а это дело — сугубо властей, служб социальной защиты при муниципальных округах. Если уж быть таким организациям, то в муниципальных округах Москвы, у которых есть разные возможности для помощи. Тогда права и льготы надо будет и репрессированным, и членам семей защищать там.

Что же касается единой городской организации репрессированных, то здесь важна лишь координация — чтобы в одном округе знали, что в другом происходит. И другое — клубная

работа, предоставить людям возможность общаться друг с другом — бывшим «зекам», их близким... Они должны иметь возможность излить душу, быть услышаны не только на официальных конференциях, но и в простом человеческом общении.

Общественная комиссия репрессированных нужна как некий представительный орган при чиновнике, занимающемся вопросами социальной защиты. Быть может, такая постановка вопроса репрессированных обижает. Конечно, они говорят, что хотят способствовать процессу демократизации, активно участвовать в политической жизни... Но в силу возраста и состояния здоровья большинство репрессированных к активной деятельности уже не способно. Даже когда некоторые из них и включались в работу, это бывало от случая к случаю...

По всей видимости, единая организация не может выражать интересы всех репрессированных — это слишком разные люди.

Конечно, организации репрессированных нужны. Но силы надо отдавать идее сохранения исторической памяти, сбору исторических материалов, которые у людей остаются и могут пропасть, потому что скоро этих людей не будет. Силы надо отдавать и увековечению памяти погибших. Говорить о том, что все эти вопросы хорошо решает «Мемориал» и его местные организации, рано. Сил нет для всего этого у «Мемориала». Нужна государственная программа. Нужны и усилия самих репрессированных.

Нужно, конечно же, покаяние на уровне государства и связанное с этим обеспечение, если уж не достойной жизни, то хотя бы достойной смерти этих людей — бывших политических заключенных. Кстати, похороны их за счет государства определены Законом, но постановления Совета Министров соответствующего нет и до собесов это решение не доведено. Конечно, средства для этого выделить трудно. Но я считаю, что здесь должны быть использованы те накопления, которые образовались за счет средств, заработанных ГУЛАГом. Работают предприятия, дороги, водные пути, проложенные ГУЛАГом. За счет их средств мог быть создан Фонд обеспечения реализации Закона о реабилитации. Средства Фонда можно было бы расходовать и на увековеченье памяти, и на исторические исследования, на архивные поиски, на социальную защиту, обеспечение нормального отдыха, строительство домов-интернатов или просто строительство жилых домов для тех людей, кто до сих пор не может вернуться на законное место жительства...

Это средства, отобранные у народа. Человек получал ведь только пятую часть заработанного, остальное было у государства. А заключенные-то вообще ничего не получали. Конечно, были у них расходы на конвой и на обмундирование где-то тридцать третьего, наверное, срока... На это уходили все номинально заработанные деньги, а человек работал бесплатно. Работал как на тяжелых, так и на высококвалифицированных работах при 10-12-часовом рабочем дне, без выходных или с одним выходным в месяц.

Джезказганский медеплавильный комбинат, на котором я работал, целиком стоял на «зеках» и когда в 56-ом году лагеря стали ликвидироваться, персонал на комбинате стали заменять теми, кто приехал по комсомольским путевкам. И на рудниках добыча сразу съехала со 120-ти до 25 процентов выполнения плана. Тот, кто сидел долго, 10-15 лет, становился естественно, квалифицированным рабочим....

Я подавал в правительство записку по этому вопросу, о средствах, заработанных заключенными. Ее рассматривали три министерства: социальной защиты, экономики и юстиции. Они согласились, что фонд такой надо создавать, но в его создание государство вмешиваться не должно, а должны организовать его сами «зеки» на общественных началах. Конечно же, это отписка. Если «зеки» сами обратятся к предприятиям, создававшимся их трудом, ничего из этого не получится. Никому из руководителей этих предприятий при нынешнем положении вещей и в голову не придет как-то расплачиваться.

Государство должно ответить не просто за то, что грабило население, а за то что использовало политические репрессии в порядке оргнабора рабочей силы для освоения тех мест, которые не могло освоить иным путем. Принудительный, рабский труд был государственной задачей. Мне вспоминается одно место из воспоминаний сталинского министра финансов Зверева, где он рассказывает, как пришел к Сталину и сказал, что у него нет денег на очередное снижение цен. На это Сталин ему ответил: «Нет денег, возьми у Лаврентия Павловича.» Это были вот эти деньги, заработанные заключенными. Если в 37-ом, в период «чисток», основной мерой наказания был расстрел, то дальше догадались, что есть места, где добровольцы по оргнабору слишком дороги.

Разве это не преступление государства? Разве наследники этой власти не должны расплачиваться за это? Две республики

использовали труд заключенных наиболее интенсивно — Россия и Казахстан. Практически, вся сырьевая база Казахстана создана трудом заключенных. А теперь Казахстан получил такой «подарочек».

Еще несколько слов об организациях репрессированных. Никаких попыток участия в политической жизни, в демократических преобразованиях со стороны организаций типа нумеровской Ассоциации никогда не было. Требования их всегда были одного рода — дайте денег Ассоциации.

Проблема объединения такого рода организаций сводится к проблеме объединения кресел лидеров. Но лидеры, естественно, кресла не уступят, объединяться не захотят. Разговоры об объединении останутся разговорами. У них даже уставы написаны так, что предусматривают подкармливание исключительно своих. То же самое с новой организацией во главе с Антоновым-Овсеенко. Создать организацию над организациями, с новыми «командирами» в креслах.

Еще надо бы посмотреть из кого состоят эти организации. Всего в Москве репрессированных и членов их семей около 12 тысяч человек. Но 11 тысяч человек числится в Московской Ассоциации, тысяча — в Ассоциации Есаулова и около 10 тысяч человек в нашем Объединении. Потом на этих раздутых цифрах кто-то говорит — не создать ли нам партию «зеков»?

Я смотрел документы когда-то существовавшего общества политкаторжан. Они не были все единомышленниками, но были революционерами. И они выставляли свои революционные требования ко всей организации. В нее не могли входить те, кто давал показания на следствии, или направлял прошения о помиловании на высочайшее имя. Если применить принципы формирования той организации к нынешним, боюсь, в нынешних не останется никого. Организация политкаторжан, конечно же, была малочисленна. Жертв царских репрессий было значительно меньше. Важно, что организация эта состояла из людей сравнительно молодых, так как создавалась сразу после революции. А мы создаем организации через сорок с лишним лет после начала процесса реабилитации. Это вроде как создавать организацию участников русско-японской или русско-турецкой войны. А те, кто готов участвовать, в лучшем случае слышали, что их дедушка был репрессирован. Такое письмо я получил: «Помогите найти дедушку — не помню имя, не помню фамилию, но знаю, что он был расстрелян».

Я уверен, что организация, которая оказывает помощь репрессированным, не должна состоять из самих репрессированных. Если человек был репрессирован, но теперь не в состоянии активно работать в организации, не должен он в ней состоять. Если человек не может и не хочет ничего делать в организации, а хочет лишь числиться в расчете на льготы, такое членство способствует распаду организации.

«Мемориал» создавался на базе восстановления исторической справедливости и сохранения памяти. Почему я попал сначала в Ассоциацию, а не в «Мемориал»? Потому что когда я прочел это слово «Мемориал», я обиделся. Почему меня считают покойником? Потом организация стала заниматься бывшими заключенными, районные координаторы буквально затопили организацию привлечением репрессированных и членов их семей. Практическая работа общества этими привлеченными вестись не могла.

«Мемориал» продолжает существовать как союз поколений, но в полном нынешнем составе общества такого союза быть не может, не все способны войти в него. Ни в коем случае нельзя дробить организацию, надо просто активное участие в деятельности организации сделать уставным требованием.

* * *

Я работал в Комиссии Моссовета по проблемам реабилитированных с самого начала, с марта 1991 года. Сначала ответственным секретарем, потом, после перехода на другую должность В.А.Булгакова, в качестве председателя. Вся работа состояла на 90% из ответов на звонки и приема граждан. Приходили разные люди — кто-то не мог найти документы о реабилитации, кто-то добивался признания как жертва политических репрессий, кого-то не устраивали решения районных комиссий при собесах. Приходили и бывшие уголовники, и не вполне психически здоровые люди. Приходили «бомжи»... Один разделся в кабинете и выкинул шапку в окошко, сказал, что никуда не пойдет, будет здесь жить, пока не удовлетворят его требования. Вся работа — звонить, увязывать, писать и отвечать на заявления, ходатайства... При этом еще готовить нормативные акты для улучшения положения репрессированных в Москве и предложения по Союзным, а затем Российским законам.

Громадная проблема была предоставить льготы членам семей репрессированных. Какие категории включать, что считать дока-

зательством нанесения ущерба... Долго готовилось постановление, предварительное решение согласовали с Президиумом Моссовета и отправили Заместителя Премьера правительства Москвы Коробченко... А Коробченко этот материал потерял. И вот последнее заседание Президиума, 24 декабря, мы идем туда с Булгаковым и убеждаем Гончара принять это решение на заседании прямым голосованием. И в последний момент нам это удалось.

Всего в четырех-пяти случаях удалось помочь в решении жилищного вопроса репрессированным. Как правило, все связанное с жильем передавалось на решение в префектуры, а там ставили в бесконечную очередь на жилье. Человеку восемьдесят лет, а его туда же, со всеми, на десять лет. Довольно долго не удавалось решить вопрос с оплатой телефонов репрессированным. В конце концов, пробили путем доплаты от собесов к пенсиям — специально за телефон. Садовыми участками мы не занимались, вернее, занимались только пробиванием вопроса в руководящих органах, а распределяли совместно Ассоциация и Объединение. А вот распределение государственных дач для репрессированных — этот вопрос мы целиком взяли на себя, на комиссию.

Занимались мы и спорными вопросами по выплатам компенсаций. Приходил, скажем, человек, который был раскулачен, но у него не было никаких документов, справок. Но через суд был установлен факт самой репрессии и суд же опросом свидетелей установил размеры нанесенного ущерба. Так появились материалы, которые позволили компенсировать нанесенный ущерб. Но порядок компенсации был определен только теперь, в дополнениях к Закону. Наша комиссия этот порядок применить не могла — до сих пор ведь нет постановления правительства, нет поручений прокуратуре, да и сама комиссия наша, заодно с Моссоветом, была распущена.

Я привык за время работы к многочисленным претензиям, оскорблениям, подозрениям. Каждое заседание Совета нашего Объединения заканчивалось кучей необоснованных претензий и обвинений, прямой ложью, провокациями. Но Совет Объединения все-таки работал как координационный орган, давая информацию о том, что делается как на правительственном, так и на московском уровнях. А самое главное — отстаивал своими решениями «Мемориал», сохранение «Мемориала». Сколько было попыток создать неуставные органы — совет координаторов, со-

вет представителей, оргкомитеты и комиссии — Совет Объединения пресекал все эти попытки. А обиды? Что ж, на обиженных Богом не обижаются.

Вообще же, при контактах с людьми всегда одно компенсируется другим. Пришла ко мне, например, одна старушка, больная, одинокая, член семьи репрессированных... Я ей помог, а она мне потом на масленицу принесла взятку — штук десять сладкой соломки... Со слезами пришла...

Я не считаю свою жизнь настолько самоценной, чтобы посвятить остатки дней заботе о своем здоровье. Сколько проживу — столько проживу. По моим скромным подсчетам, жизнь сейчас приговаривает меня к смерти четырнадцатый раз. Я уже привык.

Анекдоты от Артема

Встречается Сталин с Радеком и Сталин спрашивает:

— Послушай, Радек, когда ты кончишь рассказывать про меня анекдоты?

Радек отвечает:

— Знаешь, Коба, последний анекдот, что ты — вождь пролетарской революции, ей-Богу, не я придумал...

Во время войны принес один архитектор проект трехэтажного дома, который должны были строить в рабочем поселке. Эксперты, когда рассмотрели проект, увидели, что все три этажа дома — без туалетов.

Спросили архитектора:

— Слушай, туалетов нет, забыл?

Тот отвечает:

— Нет, совершенно преднамеренно. Все зависит от расселения. На первом этаже будут жить служащие — им не с чего срать. На втором этаже будут рабочие — им некогда срать. А на третьем этаже — дирекция, а тем всегда на всех насрать...

Во время войны стоит один еврей в очереди за хлебом, стоит и ругается:

— Вот стоим за несчастным куском хлеба, а он там, сволоочь, сидит себе и в ус не дует. Ему все подносят на блюдечке с голубой каемочкой.

Тут его сзади — хватя! — и в соответствующее учреждение. Там сидит следователь и спрашивает его:

— Слушай, Рабинович, ты говорил в очереди такие слова?

Тот подтверждает:

— Да, говорил.

— А кого ты имел в виду? Кто себе в ус не дует?

— Как кого? Гитлера, конечно.

Пришлось следователю еврея отпустить. На выходе из кабинета Рабинович, приоткрыв дверь, обернулся и шепотом следователю:

— Гражданин следователь, а я знаю, на кого Вы подумали. Нехорошо!..

Армянское радио спрашивают:

— Какая минимальная сумма требуется, чтобы напоить всю Грузию?

Армянское радио отвечает:

— Три рубля. Почему? Надо в Тбилиси отправить телеграмму, что Никита Сергеевич помер...

Армянское радио спрашивают:

— Можно ли построить коммунизм в одной, отдельно взятой республике?

Армянское радио отвечает:

— Можно. Но лучше в Грузии...

Армянское радио спрашивают:

— Кто такой китайцы?

Армянское радио отвечает:

— Это до конца окосевшие от марксизма русские...

ЛЕНИН — Показал, как надо управлять социалистическим государством.

СТАЛИН — Показал, как НЕ надо управлять социалистическим государством.

ХРУЩЕВ — Показал, что любой дурак может управлять социалистическим государством.

БРЕЖНЕВ — Показал, что можно вообще не управлять социалистическим государством...

— Слушайте, Рабинович, говорят, вы отклонились от линии партии?

— Да нет, я всю жизнь отклонялся вместе с партией...

Армянское радио спрашивают:

— Какое сегодня соотношение между фунтом, долларом и рублем?

Армянское радио отвечает:

— Фунт сухих рублей равен одному доллару...

— Горбачев — первый генеральный секретарь ВКП(б), которого не поддерживает Политбюро.

— Почему?

— Пока сам ходит...

Две дамы с детскими колясками. Малыши заливаются в голос. Одна говорит другой:

— Смотри, какая у тебя голосистая. Наверно, певицей будет.

— А твой, наверно, президентом. Весь в дерьме, а головку — держит...

Артем Ефимович Фельдман

РЯДОВОЕ ДЕЛО

Составители *И.Осипова, Я.Рачинский*

Технический редактор *А.Черняк*

Подп. в печать 17.11.93 Формат 60×90/16
Объем 4,0 п. л. Тираж 1525 Заказ 1326
Отпечатано МП «Информполиграф»
111123, Москва, ул. Плеханова, 3а

